

Еще в XVII веке предки Хузангая переселились на территорию сегодняшнего Алькеевского района с верховьев Волги. Так, во «Владенской памяти» от 5 марта 1689 года говорится, что «безъясашный чуваше Иштибайку Ахтубаеву с товарищи одинатцать человек велено поселтца в Казанском уезде по ногайской дороге за Камою рекою, блиско их же вотчины на порозжей земле по Малому Черемшану реке, меж Атасу и Анчины речек... И в черном лесу хоромной лес и дрова рубить, и лыко снимать, и хмель щипать...».

Старая деревня разрослась вокруг вотчины Иштыбая. В документах XVIII века она называлась Иштубаево. В своей статье Хузангай сообщает любопытные сведения о происхождении названия родного села и своей фамилии. «Мое родное село, - пишет он, - называется «Сиктерме», что в, перевода означает «Качалка для колыбели». Качалку эту делали из гибкого дерева, чаще, всего - из черемухи. Длинный шест одним концом упирался в потолок избы, на другом конце висела колыбель из коры липы или вяза. Сгибаясь и выпрямляясь при качании, шест заменял пружину. По берегам речек Сиктерме и Эндже (Жемчуг), у слияния которых расположено село действительно буйно цвела черемуха, перевитая диким хмелем. Это было глухое место бывшей Казанской губернии, далекое от водных путей и железнодорожной магистрали: шестьдесят верст до ближайшей пристани на Волге, столько же до ближайшей станции.

Село находилось в центре целого куста чувашских селений, как бы чувашского островка, окруженного морем татарского и русского населения... Живущие в нашем селе несколько русских семей хорошо владели чувашским языком. Татары ближних деревень тоже знали по-чувашски. Несмотря на антинародную политику царизма, разжигавшего межнациональную вражду, используя религиозные, расовые и прочие

предрассудки, труженики села, люди одинаковой судьбы всегда общались друг с другом.

Я помню, как на татарских сабантуях участвовали чуваш и русские. А во время весенних чувашских уявов (хороводов с играми) русские девушки охотно надевали платья и головные уборы чувашек, а те, в свою очередь, щеголяли в сарафанах и кокошниках, Это был своеобразный веселый маскарад.

В стихотворении «Татарстану», вспоминая о детстве, я писал:

В соседних памятных
селеньях
Татарин, русский
и чуваш
Зовут друг друга
с уважением
Иптэш, товарищ
иль юлдаш.
Единый смысл трех разных слов
Понятен испокон
веков.

...По отцовской - линии во мне имеется и русская кровь: моя прабабушка была крепостной помещика Аристова.

«Майра азанне» (бабка русская) сохранилась в преданиях рода «белой, словно выкупанной в молоке», «с ковыльными волосами и небесно-голубыми глазами». Ее младший сын, мой прадед, незаурядный певец-импровизатор, сказал про нее:

«Мать русская твоя», - мне говорят.

Да, русская красавица

она.

Такую здесь найдете

вы навряд:

На всю Казань

она была одна!

Мой прадед Кирушша женился на ней в Казани, которую по чувашски зовут Хузан. Отсюда и моя фамилия. Окончание «гай», выражающее принадлежность, было прибавлено на манер чувашских языческих имен: Улангай, Юмангай... Правда, прозвание это при ревизиях перевели по-русски и стали писать Казанков. В первые годы чувашской автономии, когда культурная революция всколыхнула широчайшие массы трудящихся и высоко подняла самосознание народа, я, как и многие наши поэты, даже в возвращенной фамилии видел символ национального возрождения...

В 1923 году я окончил восьмой класс и поступил в Казанский чувашский педагогический техникум. В 1927 - 30 годах я учился в Восточном педагогическом институте, тоже в Казани. С увлечением слушал лекции профессора Н. И. Ашмарина по истории чувашского языка и сравнительной тюркологии. Этот маститый ученый, положивший начало научному изучению чувашского языка и оставивший монументальный «Словарь чувашского языка», сыграл огромную роль в развитии нашей литературы.

В большом, многонациональном городе для меня открылся новый мир, сложный и противоречивый. Это были годы новой экономической политики. Короткое слово «нэп» приветствовали «красные купцы» и надеялись на долгий век. Пестрые и шумные базары, частные магазины с блестящими витринами, частное кафе «Аполло» с дорогой сервировкой, рулетка, лото... На экранах кинотеатров. «Электра» и «Унион» - «Багдадский вор» с Мэри Пикфорд и Дугласом Фербенксом, «Мулен Руж», «Медвежья свадьба»... В ресторане «Татарстан» русский красавец Тударь поет «Письмо матери» Есенина. Его приятный тенор с

надрывом выводит: «Будто кто-то мне в кабацкой драке саданул под сердце финский нож», - и песня эта ранит юные сердца, неокрепшие души. Бледные, анемичные юноши за бутылкой пива уже отрешенно подпевают певцу: «Я пришел на эту землю, чтоб скорей ее покинуть».

«Крива, коса стоит Казань. Шумит бурун: «Шурум... бурум...» Так скажет позднее Маяковский об этом городе. Но была другая Казань. Маяковский увидит и ее. «А там, где афиши щипала коза - исполнят такие-то арии - сказаньем встает Казань, столица Красной Татарии». Для меня это новое - университет, библиотека, Дом татарской культуры, Дом чувашского землячества, казанская «ячейка» Союза чувашских писателей «Канаш», в которую уже был принят и я. Пытливо присматриваясь к жизни, посещая литературные вечера и бесконечные диспуты («Есть йог или нет?», «Когда наступит мировая революция?», «Можно ли комсомольцу носить галстук?» и др.), выступая на многочисленных студенческих собраниях со своими -стихами, слушая любимцев татарской молодежи Аделя Кутуя и Хади Такташа, вдумываясь в лекцию Владимира Поссэ о Горьком, упиваясь «Гавриилиадой» Пушкина в исполнении известного «безбожника» Гамзы, я уносился думами в родное село, где остались как бы мои корни. Я и поныне благодарен моему Сиктерме. Там я узнал изначальные радости и тревоги бытия, полюбил родную природу. Каждое дерево, каждый цветок, каждая птица были неотъемлемой частью моего маленького мира. Сочетая простой труд и высокую мечту, там я научился ценить каждый свободный час, робкой рукой написал первые бесхитростные строки, не имея никакого понятия о гонораре. Там складывался и формировался мой характер, закалялась воля. Там мне впервые, как говорят у нас, «наступила корова на ногу» и научила бороться с трудностями жизни.

Примерно двенадцати лет я уже «схлестнулся с этой дрянью», как названо кем-то вдохновенье. Первая публикация состоялась в 1924 году в журнале «Сунтал» («Наковальня»).

Привыкший думать о печатном слове как о чуде, я с волнением смотрел на страницы журнала, ощупывал их пальцами: я ли это, мои ли это строки? И только через год, приехав в Чебоксары, узнал, что за стихи полагаеся го-норар. Слово-то какое! Кассир издательства, старик с вечной трубкой в зубах, с доброй улыбкой, окинул взором мой домашний полушубок, мои лапти и сказал:

«Ты парень, не указал ни адреса, ни имени с фамилией, скрылся за псевдонимом. Вот я и не смог порадовать тебя своевременно».

...Зимой 1928года, я встретился в Казани с поэтом революции. Это было 23 января в гостинице «Казанское подворье».

Впечатления от встречи и разговора с Маяковским отразились в поэме «Владимир Маяковский» и в отдельных стихотворениях о нем. Интерес к нему, ажиотаж вокруг его имени был большой. Почти за неделю до приезда на всех заборах и тумбах для афиш красовалось написанное огромными красными буквами одно-единственное слово: «Маяковский». Затем появилась более подробная программа выступления. Помнится, как на афишах поэма «Хорошо!» была разбита на отдельные главки с вызывающими заголовками: «Бей!», «Извольте понюхать!», «Есть революция, а нету масла» и т. д. Время было пестрое. Отношение к поэту определялось публикой весьма разношерстной. Нэпачи и обыватели, подхихкивая, читали такие заголовки и шли на вечер, - может быть, в надежде услышать голос «своего» певца. На поэт, прежде эпатировавший буржуа, теперь беспощадно расправлялся со всеми «жрущими и ржущими». Я пришел к Маяковскому с чувашским народным поэтом-самородком Мигулаем Шелеби. У него были мудрые глаза и борода Пугачева. Перед дверью номера он варезками смахнул

снег с валенок, и, когда на стук послышалось мощное «Можно!», снял меховой малахай и по чувашскому обычаю сунул его под мышку. На столе горела лампа под зеленым абажуром. Маяковский лежал в жилете на застеленной кровати, которая помешалась в глубине ниши. Под неразутые ноги он подставил стул. Лежал, что-то бормоча, и, казалось, не замечал нашего вторжения. Затем, разглядев в полумраке бороду Шелеби, он приподнялся и быстро спросил:

- А кто вы такие?

Я назвал себя, представил Шелеби и объяснил цель нашего прихода: мы| хотели попасть на вечер. А билетов уже не было. Поэт слегка улыбнулся, поглядывая на бороду моего путника, и спросил:

- А вы что же, папаша, тоже стихи пишете?

Словоохотливый Шелеби ответил утвердительно и свою беседу с Маяковским пересыпал пословицами, народными изречениями. Маяковский то задумывался, то просил его повторять отдельные фразы. Обратившись ко мне, он спросил:

- Как правильно - чуваш или чувашин?

И тут же что-то занес в записную книжку. Затем неожиданно, в упор:

- А мой «Левый марш» читали?

Это прозвучало почти озорно. Я ответил утвердительно. Заговорили о поэзии, о звучании чувашских стихов, об особенностях нашего стихосложения.

- Я в Москве слушал одного вашего поэта, - сказал Маяковский. - У вас, по-моему, очень гибкий и музыкальный язык. Есть гласные звуки, напоминающие своей мягкостью звуки французской речи... А переводов с русского у вас много? Надеюсь, среди них есть и мои стихи?..

Чувашским поэтом, которого слушал Маяковский, был Никифор Васянка (Шаланга), в начале двадцатых годов учившийся вместе с И. Уткиным и А. Машашвили в Институте журналистики. Переводов с

русского у нас к тому времени было еще не так много. А «Левый марш», «Во весь голос» и поэму «Владимир Ильич Ленин» я перевел через два года, в год смерти поэта. Как известно, он предугадал эту мою работу и в стихотворении «Казаны» (1928) написал:

Марш ваш -
Наш марш.
Я - чуваш,
Послушай, уважь,
Марш вашинский
Так по-чувашски...

Неповторимая рифма **чуваш - уважь** полна глубокого смысла. В ней зафиксировано уважение к возрожденному народу, к его национальному достоинству...

...Прощаясь с нами, поэт вручил нам записку на имя представителя бюро выступлений П. И. Лавута:

«Тов. Лавут.

Прошу обязательно устроить чувашских писателей.

Вл. Маяковский».

Мне кажется, записка эта очень похожа на экспромты - двустишия, которые поэт щедро рассыпал устно и письменно. К сожалению, я не смог сохранить эту записку, но тогда же, 19 февраля 1928 года, я опубликовал ее в чувашской газете «Канаш» в статье «Вести из Казани. Маяковский». В этой статье, отражая противоречивые оценки поэта, споры вокруг его имени, я писал: «Мы - чувашки. Чувашский язык нежен, тих, с внутренней неброской силой. Не зря говорят, что чувашские стихи текут естественно, сами по себе. Что же взять от Маяковского? На одних восклицательных знаках далеко не уедешь... Может быть, для чувашского стиха и впрямь не годятся разговорные, интонационные строки Маяковского. Время покажет. Но по жизнеутверждающей силе, по

духовной мощи теперешний Маяковский - исполин Улып. Когда смотришь на этого физического и интеллектуального атлета, хочется жить не один век, а два века, три века».